

УДК 342

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С.В. Иванов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 января 2018 г.

Дата принятия в печать –

10 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

2 апреля 2018 г.

Рассматривается ряд проблем юридического регулирования и правоприменительной практики в области конституционно-правового обеспечения государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации посредством укрепления единства ее правового пространства и многонационального народа.

Ключевые слова

Государственное единство,
территориальная целостность,
правовое пространство, народ,
обеспечение

MAINTENANCE OF UNITY AND TERRITORIAL INTEGRITY OF RUSSIA: SOME CONSTITUTIONAL LEGAL PROBLEMS

Svyatoslav V. Ivanov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 January 20

Accepted – 2018 February 10

Available online – 2018 April 2

The subject. The article is devoted to the analysis of public authorities' activities in order to strengthen unity of domestic legal space and the people of Russia with regard to constitutional legal support of the state unity and territorial integrity of the Russian Federation.

The purpose of the article is to make a critical analysis of implementing a system that consists of constitutional legal rules and procedures of regulatory impact on the unity of domestic legal space and the people of Russia with the aim of increasing the effectiveness of their implementation.

Keywords

State unity, territorial integrity,
legal space, the people, support

The methodological basis of the study includes general-scientific methods (analysis and synthesis, system-structural approach) as well as academic methods (formal-legal method, method of interpretation of legal acts).

Results, scope. Consistent constitutional legal support of the state unity and territorial integrity of the Russian Federation requires elimination of defects and gaps in legal regulation and improvement of law enforcement practice. In particular, it is necessary to eliminate the practice of denial of a state registration of political parties on insignificant formal grounds in order to implement guarantees of the unity of the people of Russia.

Conclusions. The consistent strengthening of the unity of domestic legal space and the people of the Russian Federation is of paramount importance to the constitutional and legal support of its state unity and territorial integrity. It is necessary to eliminate a number of legal defects and to make law enforcement practice more effective in order to implement these constitutional values.

1. Введение

Под конституционно-правовым обеспечением (гарантированием) государственного единства и

территориальной целостности Российской Федерации в настоящей работе понимается организационно-правовая деятельность субъектов их обеспе-

ния – органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, осуществляющих полномочия по реализации обеспечительных функций в отношении государственного единства и территориальной целостности России.

В качестве объектов конституционно-правового обеспечения в настоящей статье рассматриваются государственное единство Российской Федерации и ее территориальная целостность. Предлагается рассматривать их в качестве элементов иерархической системы конституционных ценностей, обладающих в ней приоритетным положением, поскольку от состояния государственного единства и территориальной целостности государства напрямую зависит степень реализации прав и свобод человека. Последние, в свою очередь, согласно Конституции РФ, выступают наивысшей конституционной ценностью, чем и обусловлено существование иерархически выстроенной системы этих ценностей: «...провозглашение высшего логически подразумевает наличие нижестоящего» [1, с. 7]. Приоритетное положение рассматриваемых конституционных ценностей выявлено Конституционным Судом РФ, согласно правовой позиции которого «государственная целостность – важное условие равного правового статуса всех граждан... одна из гарантий их конституционных прав и свобод» (абз. 6 п. 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П¹).

По нашему мнению, государственное единство Российской Федерации представляет собой ее внутренне присущее неотъемлемое качество, проявляющееся в конституционной неделимости государственной власти России и представляющее собой совокупность следующих свойств: наличие единого источника и носителя власти – многонационального народа Российской Федерации; единство государственной власти как свойство суверенитета; единство государственной власти в ее функциональном

разделении на ветви; единство президентской власти; единство федеральной законодательной власти; единство исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов в пределах ведения России и ее полномочий по предметам совместного ведения России и субъектов Российской Федерации; единство судебной власти в Российской Федерации; единство прокурорско-надзорной власти России [2, с. 75]. В свою очередь, территориальная целостность России проявляется в нерушимости ее государственных границ, неотчуждаемости государственной территории – пространственного предела действия государственного суверенитета Российской Федерации в пределах ее государственных границ, включающего в себя сушу, воды, недра и воздушное пространство (ст. 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»²).

2. Конституционно-правовое обеспечение единства и территориальной целостности России посредством укрепления единства ее правового пространства

Состояние государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации зависит прежде всего от эффективного конституционно-правового обеспечения единства отечественного правового пространства, а равно принципов соблюдения верховенства федерального законодательства и высшей юридической силы Конституции РФ в силу их конструктивной, принципиальной роли в формировании единой государственной властной воли. От эффективной реализации конституционно-правовых гарантий этих принципов зависит эффективность и сама возможность реализации всех прочих гарантий исследуемых объектов. Как известно, «цивилизованная государственность может опираться только на единый рынок, общее социально-экономическое пространство, которые объективно требуют централизованного регулирования, опирающегося на систематизированные и непротиворечи-

¹ Постановление Конституционного Суда от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360

“Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.
² Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 4 мая.

вые законодательные акты» [3, с. 92]. Единство каждой ветви государственной власти зиждется на соблюдении конституционных принципов признания и соблюдения высшей юридической силы Конституции РФ, верховенства федерального законодательства.

При этом эффективность реализации конституционно-правовых гарантий единства и согласованности отечественной правовой системы также во многом зависит от действия прочих гарантий исследуемых конституционных ценностей, в частности национальной идеологии. Так, одним из выражений высшей юридической силы Конституции РФ является ее прямое действие, что находит свое воплощение в правоприменительной деятельности. Однако в обществе с низкой конституционно-правовой культурой правоприменитель не применяет конституционные нормы, когда это возможно, допустимо и необходимо, а действует согласно законам и подзаконным актам, которые могут противоречить букве и духу основного закона страны. Между тем деятельность правоприменителя должна быть всецело посвящена реализации конституционных норм. Задаче воспитания в обществе уважительного отношения к Конституции РФ, распространения конституционных ценностей среди населения должны служить конституционно-правовые основы национальной идеологии Российской Федерации.

Под федеральным законодательством Российской Федерации в значении, придаваемом нормой ч. 2 ст. 4 Конституции РФ, следует понимать иерархически организованную систему нормативных правовых актов, обладающих конституционно гарантированным верховенством в отношении всех прочих действующих в России нормативных правовых актов. Данная система состоит из четырех подсистем, или уровней (расположены по степени убывания юридической силы): 1) Конституция РФ; 2) законы Российской Федерации о поправках к Конституции РФ; 3) федеральные конституционные законы; 4) федеральные законы.

Организационно-правовая деятельность по конституционно-правовому обеспечению высшей юридической силы Конституции РФ в отечественной правовой системе и верховенства федерального законодательства в системе нормативных правовых актов во всех областях, кроме собственного ведения субъектов Российской Федерации (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ), заключается в применении субъектами конституционно-правового обеспечения государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации мер конституционно-право-

вого принуждения. Соответствующая деятельность компетентных органов государственной власти направлена на предотвращение и устранение нарушений иерархии действующих правовых норм.

В связи с этим представляется целесообразным выделить два вида конституционно-правовых гарантий высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства в зависимости от цели: 1) предупреждающие и 2) восстанавливающие. *Предупреждающие гарантии* реализуются с целью предотвращения нарушения иерархии действующих правовых норм и препятствуют принятию и вступлению в законную силу актов и публично-правовых договоров, содержащих нормы, противоречащие вышестоящим нормативным предписаниям. *Восстанавливающие гарантии* имеют целью устранение нарушения иерархии действующих юридических норм посредством: 1) приостановления действия, отмены, расторжения, признания утратившими силу нормативных правовых актов, противоречащих вышестоящим, а также неконституционных и незаконных нормативных договоров; 2) юридического принуждения правоприменительных органов и должностных лиц к неприменению неконституционных и незаконных норм. Систему этих гарантий следует классифицировать в зависимости от того, какой акт выступает источником иерархической коллизии. Такая классификация должна стать предметом отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи следует обратить внимание лишь на отдельные проблемные аспекты реализации этих гарантий.

В конституционно-правовой доктрине справедливо отмечается двухуровневый характер высшей юридической силы Конституции РФ, обусловленный действием нормы ч. 2 ст. 16: «Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации». По верному выводу Е.С. Аничкина, исходя из этого положения нормы первой главы Конституции РФ «отличаются наиболее высокой юридической силой» [4, с. 8]. Вместе с тем это положение не обеспечено правоприменительной практикой, в результате чего де-факто действует презумпция соответствия прочих конституционных положений нормам первой главы Конституции РФ. Представляется, что следует наделить Конституционный Суд РФ полномочием по рассмотрению дел о соответствии вносимых поправок к Конституции РФ основам конституционного строя. Это стало бы важнейшей предупредительной гарантией высшей юридической силы Конституции РФ.

При этом юридическая сила отдельных составляющих основы конституционного строя конституционных положений вызывает дискуссии и затруднения. Так, представляется, что сформулированный в Конституции РФ запрет на лишение гражданина Российской Федерации гражданства по каким-либо основаниям (ч. 3 ст. 6) обладает угрожающим потенциалом в отношении государственного единства Российской Федерации и ее территориальной целостности. Возвращение в страну граждан Российской Федерации, отправившихся в регионы с повышенной террористической активностью пополнять ряды членов радикальных исламистских террористических структур, стало крупномасштабной угрозой национальной безопасности. «Данная категория лиц выполняет роль модераторов и идейных проводников исламистского радикализма, участвует в вербовке и переправке рекрутов в лагеря подготовки боевиков и зоны вооруженных конфликтов» [5, с. 50].

Поскольку рассматриваемая конституционная норма относится к основам конституционного строя Российской Федерации, она может быть изменена лишь путем принятия новой Конституции (ст. 135 Конституции РФ). Действующая государственная власть находится между молотом очередного витка всплеска международного терроризма и наковальной жесткости рассматриваемого конституционного положения, объективно препятствующего эффективной борьбе с наплывом подготовленных за границей боевиков – граждан России. В результате на самом высоком уровне неприкрыто совершаются отчаянные попытки обойти Конституцию РФ, закончившиеся принятием поправок в действующее законодательство, исходя из которых вступление в силу приговора за совершение предусмотренного законодателем преступления является основанием для отмены решения о натурализации совершившего его лица (ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ³).

Значительной проблемой выступает несбалансированность полномочий субъектов конституционно-правового обеспечения высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства. Так, действие любого междуна-

родного договора Российской Федерации, решение о согласии на обязательность которого принималось в форме федерального закона, может быть приостановлено Президентом РФ (п. 4 ст. 37 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»⁴). При этом фактическим основанием для приостановления является возникновение случаев, «требующих принятия безотлагательных мер». Таким образом, Президент РФ посредством принятия специального указа с одновременным внесением в Государственную Думу проекта соответствующего федерального закона способен преодолеть верховенство международных договоров над федеральным законодательством в системе нормативных правовых актов.

Это лишь некоторые из современных проблем эффективного обеспечения единства отечественного правового пространства.

3. Конституционное закрепление статуса многонационального народа Российской Федерации в качестве носителя и единственного источника власти в России

Легальное закрепление конституционно-правового статуса народа является важной предпосылкой для формирования нормативных основ конституционно-правового обеспечения его единства, а также правоприменительной практики в этой сфере. Многонациональный народ Российской Федерации упоминается в преамбуле Конституции РФ и двух ее статьях. В преамбуле конституируется субъект, результатом волеизъявления которого стало принятие Конституции РФ. Нормы ст. 3 Конституции РФ закрепляют основы правового положения народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. В ст. 82 говорится о присяге Президента РФ, который приносит ее народу при вступлении в должность (ч. 1). Во всех иных случаях понятие «народ» в Конституции РФ употребляется в значении этнической общности.

Многонациональный народ Российской Федерации является основным гарантом полноты, универсальности, неделимости государственной власти и государственного суверенитета как единый носитель и единственный источник всей публичной вла-

³ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4792.

⁴ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

сти в стране. Конституционное провозглашение народа в этом качестве выступает одной из основных конституционных гарантий единства Российской Федерации и ее территориальной целостности, поскольку наличие единой государственно-властной организации является необходимым условием для существования государства в пределах взятого в целостности территориального пространства.

Статус единого источника и носителя публичной политической власти в стране обеспечивается рядом запретительных конституционных норм. Так, запрещается разрушение единства многонационального народа Российской Федерации посредством пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Отдельно оговаривается, что недопустима пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29). Исключительной ясностью обладает положение о запрете создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13).

Следует указать на ряд проблем, препятствующих эффективной реализации данной гарантии. Во-первых, представляется, что конституционно-правовой статус многонационального народа России подвергается сомнению в ряде правовых актов и политических заявлений высших государственных органов и должностных лиц, а также в учредительных актах некоторых субъектов Российской Федерации. Ныне в правовых актах Президента РФ и Правительства РФ закрепляются положения, предусматривающие возможность использования понятия «российская нация» в качестве синонима «многонационального народа Российской Федерации»⁵. В средствах массовой информации обсуждается возможность принятия Федерального закона «О российской нации»⁶. Представляется, что закрепление в федеральном законодательстве положений о российской

нации не соответствует конституционным положениям о многонациональном народе Российской Федерации как исключительном источнике публичной власти в стране. Вряд ли допустимо рассматривать данные понятия и в качестве синонимов, поскольку простой формально-логический и семантический анализ категории «многонациональный народ» неминуемо приводит к заключению, что понятие «нация» обладает меньшим объемом.

В Преамбуле Конституции Республики Татарстан наблюдается интересная раздвоенность: «Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...»⁷ – эта любопытная дихотомия как бы выводит татарский народ из числа многонационального народа Татарстана, не позволяя без зазрения совести использовать данные понятия как синонимы. Подобного не встретить в конституирующих актах прочих субъектов Российской Федерации и тем более – в Конституции РФ. Любопытно, что носителем суверенитета и единственным источником власти в субъекте провозглашен исключительно многонациональный народ республики уже без упоминания о татарском народе (ч. 1 ст. 3). Подвергать статус многонационального народа Российской Федерации сомнению недопустимо, и соответствующие законодательные положения должны находить отклик прокуратуры РФ и Конституционного Суда РФ.

Во-вторых, представляется, что статус народа как исключительного источника власти в России обеспечен не в полном объеме. В ч. 4 ст. 3 Конституции РФ содержится материальная конституционная гарантия этого положения: закреплён запрет присвоения власти в Российской Федерации и сформулировано положение о преследовании захвата власти или присвоения властных полномочий по федеральному закону. Эта бланкетная норма сформулирована слишком широко и формально позволяет защищать народ от посягательств на его власть разными правовыми средствами, менее эффективными, чем уголовная ответственность.

⁵ См.: Указ Президента РФ от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 14. Ст. 2106; Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477; Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государ-

ственной национальной политики”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 2 (Ч. I). Ст. 361 и др.

⁶ Замахина Т. «ЕР»: Новый закон о российской нации сплотит граждан страны // Российская газета. 2016. 1 нояб. URL: <https://rg.ru/2016/11/01/er-novyy-zakon-o-rossijskoj-nacii-splotit-grazhdan-strany.html>.

⁷ Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

4. Конституционно-правовое обеспечение правового режима государственного языка Российской Федерации

Поскольку народ является крупнейшей социальной общностью, его существование немыслимо без языка как единого средства коммуникации. Граждане Российской Федерации говорят на более чем 170 языках, при этом среди более 138 млн опрошенных в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. почти 137,5 млн указали, что владеют русским языком⁸, родным он является для более чем 118,5 млн из них (86 %) ⁹. Эти обстоятельства являются социально-демографическими основаниями конституционного утверждения русского языка в качестве государственного на всей территории страны.

Важно понимать, что функция русского языка как языка межнационального общения не навязана сверху, а имеет, помимо социально-демографических, также историко-культурные и политико-экономические обоснования. Так, согласно Конституции Республики Дагестан государственными языками объявлены русский и все языки народов Дагестана¹⁰. Название Республики не отражает наименования титульной нации, а переводится с тюркского как «страна гор»¹¹. В республике проживают 37 народностей, каждая из которых обладает собственным языком, 14 из которых имеют письменность. В ситуации, когда языки всех дагестанских народностей являются государственными, а на уровне обычая существует практика распределения должностей между проживающими в республике национальностями [6, с. 36], наличие единого языка межнационального общения, обладающего статусом государственного, положительно влияет на единство и территориальную целостность не только России в целом, но и самой Республики Дагестан. В данном контексте также наглядно позитивное влияние территориальной целостности субъектов Российской Федерации на эффективную реализацию исследуемых конституционных ценностей. Характерно, что в Республике Дагестан конституционное судопроизводство ведется исключительно на русском языке¹².

Русский язык – не просто язык межнационального общения. Некоторые исследователи предлагают рассматривать его в ряду символов Российского государства наравне с флагом, гербом и гимном [7, с. 13] и даже ввести административно-правовую и уголовную ответственность за надругательство над русским языком в этом качестве [8, с. 3]. Однако редко можно встретить в конституционно-правовой доктрине упоминание такой функции конституционно-правового режима государственного языка России, как обеспечение коммуникационной связи между Российской Федерацией и входящими в ее состав субъектами и между самими субъектами Российской Федерации [9, с. 329].

Коммуникационные связи рассматриваются в данном случае как разновидность функциональных связей, порождающих и поддерживающих системное единство. Социальная система, которой является государство, обладает спецификой функциональных связей между ее подсистемами и элементами. Для федеративных государств, построенных по национальному или национально-территориальному принципу, проблема коммуникационных связей обладает особенной актуальностью. Если не существует общего для всех субъектов федерации коммуникационного средства (государственного, или официального, языка), либо если его конституционно-правовое и фактическое положение подвергается сомнению, – со сменой нескольких поколений сомнению подвергнется и государственное единство, а в перспективе – территориальная целостность страны. В этом контексте весьма показателен пример конституционализма США, для которого свойственно отсутствие государственного (официального) языка. При этом из века в век происходят ожесточенные дискуссии о том, что то или иное языковое меньшинство (будь то немецкоязычное или, например, испаноязычное) способно подорвать американское национальное единство, которое зиждется на пользовании английским языком [10].

Представляется, что в отношении языков неприменим термин «правовой статус», поскольку последний может быть присущ лишь конкретному

⁸ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Росстат: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-05.pdf.

⁹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // Росстат: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-08.pdf.

¹⁰ Конституция Республики Дагестан // Дагестанская правда. 2003. 26 июля.

¹¹ Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1998. С. 130.

¹² Закон Республики Дагестан от 2 февраля 2010 г. № 8 «О Конституционном Суде Республики Дагестан» // Дагестанская правда. 2010. 5 февр.

субъекту права; более уместно употреблять понятие «правовой режим языка» [11, с. 236]. Основы конституционно-правового режима государственного языка России установлены в ст. 68 Конституции РФ и должны быть понимаемы в системном толковании с ее положениями, посвященными субъективным правам граждан на пользование родным или любым другим языком. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык (ч. 1 ст. 68). В этом качестве он представляет собой важную коммуникационную основу единства государственной власти, территориальной целостности страны и используется для создания в России единого информационного пространства [12, с. 7]. Конституционное установление правового режима государственного языка рассматривается в доктрине конституционного права в качестве важнейшей гарантии единства и территориальной целостности современных федеративных государств [13, с. 39]. Положение русского языка как государственного определяет его обязательность, чем обусловлена необходимость тщательного законодательного урегулирования в целях эффективного осуществления публичной власти в стране, сохранения и развития положения русского языка в России и за ее пределами при недопустимости дискриминации по языковому признаку. Поэтому обязательность использования государственного языка Российской Федерации в определенных сферах не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации (ч. 7 ст. 1, ст. 2 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»¹³).

Обеспечение защиты и поддержки государственного языка возложено Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» на федеральные органы государственной власти, которые осуществляют нормотворчество в данной сфере, реализуют соответствующие федеральные целевые программы, принимают меры по совершенствованию системы образования, содействуют изучению русского языка за пределами страны и принимают иные меры (ст. 4). Правительство РФ определяет порядок утверждения норм русского ли-

тературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации (ч. 3 ст. 1), обеспечивая единый коммуникационный стандарт на всей территории страны.

Эффективная реализация положения русского языка как государственного языка Российской Федерации осложнена множеством проблем. Во-первых, конституционно не закреплено право граждан пользоваться государственным языком Российской Федерации и таковая обязанность органов публичной власти и должностных лиц во всей стране. Не закреплена конституционная обязанность граждан владеть русским языком или по крайней мере усвоить его в рамках образовательной системы. Опыт конституционного строительства XX в. обогатил мировую правовую культуру конституциями, прямо отражающими в своем содержании права и обязанности граждан государства в части владения и пользования государственным языком страны. Так, в Конституции Республики Болгария провозглашается, что изучение и использование болгарского языка – право и обязанность болгарских граждан (ч. 1 ст. 36); граждане, для которых болгарский язык не является родным, имеют право наряду с обязательным изучением болгарского языка изучать и использовать свой родной язык (ч. 2 ст. 36)¹⁴. Первое из названных положений содержательно дублирует норму ч. 1 ст. 3 Конституции Испании, согласно которой все испанцы обязаны знать официальный – кастильский – язык и имеют право им пользоваться¹⁵.

Во-вторых, спорным является правомочие республик в составе Российской Федерации устанавливать собственные государственные языки (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ). Данное правомочие ограничено оговоркой о том, что эти государственные языки могут быть установлены исключительно наряду с государственным языком Российской Федерации и развивает одну из основ конституционного строя, согласно которой республики обладают статусом государств в составе Российской Федерации (ч. 1–2 ст. 5 Конституции РФ). Однако закрепленный в Конституции РФ порядок установления государственных языков не только отличен от сложившейся мировой практики [14, с. 226], но и представляется неоправданным с теоретико-правовой точки зрения. Как

¹³ Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199.

¹⁴ Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001. Т. 1. С. 400.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 51.

справедливо отметили судья Конституционного Суда Республики Адыгея А.М. Шадже и его соавтор А.В. Маргиев, в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ, «поскольку республики не являются государствами в классическом смысле этого понятия... следовало бы употребить другие термины, например, “официальный язык”, “язык делопроизводства”, “рабочий язык” и т. д.» [14, с. 231].

5. Формирование и внедрение конституционной идеологии Российской Федерации – фактор сохранения ее государственного единства и территориальной целостности

Государство – это форма достижения общественного согласия по ключевым проблемам внутренней и внешней политики, что может быть осуществимо лишь при наличии разделяемой народом общенациональной идеи или при тотальном физическом или психическом насилии; поэтому государство без национальной идеологии – всё равно, что автомобиль без управления [13, с. 45]. Вместе с тем согласно ч. 2 ст. 13 Конституции РФ никакая идеология не может устанавливаться в России в качестве государственной или обязательной. Эта норма не выдерживает критики с позиции соблюдения законодателем пределов правового регулирования: невозможно юридически лишить государство собственной идеологии. Данное положение Конституции РФ не способно предотвратить законодательное регулирование вопросов определения постулатов идеологии, субъектом которой является государство: при законотворчестве в данной сфере вполне можно избежать употребления формулировки «государственная идеология».

В современной науке конституционного права развернулась дискуссия об обоснованности конституционного запрета на установление государственной идеологии в контексте априорного существования «конституционной идеологии»; при этом отдельные исследователи к идеологии государства относят, в сущности, совокупность всех положений отечественного законодательства [15, с. 33]. С этой позицией трудно согласиться, поскольку далеко не каждое законодательное предписание регулирует общественные отношения в сфере определения принципиальных вопросов внутренней и внешней политики.

В самой Конституции РФ присутствуют нормативные положения, регулирующие соответствующие отношения. Так, в ней говорится об агитации и пропаганде, пусть и в исключительно негативном смысле (ч. 2 ст. 29). Российское государство осуществляет планомерную борьбу с идеологиями, направленными на подрыв единства многонационального народа страны. Данные положения развиты в ст. 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹⁶, где провозглашается решительная борьба с проявлениями фашизма как одно из направлений государственной политики. В этой же статье запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ Российской Федерации и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах. Данная запрещающая норма обеспечена мерами юридической ответственности – приверженцев враждебной Российскому государству фашистской, нацистской идеологии, выражающих свои взгляды актом пропаганды либо публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики, государство привлекает к административно-правовой ответственности (ст. 20.3 КоАП РФ¹⁷). Представляется, что бороться с пропагандой способен лишь субъект, обладающий собственной идеологией.

Основные постулаты национальной идеологии России выражены в преамбуле Конституции РФ и символике Российской Федерации. В науке конституционного права высказано мнение, что преамбула Конституции РФ являет собой концентрированное выражение идеологии отечественного конституционализма [16, с. 15; 17, с. 4]. Многонациональный народ Российской Федерации исходит из необходимости чтить память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, стремление обеспечить благополучие и процветание России. Государственная символика обладает чисто знаковым, идеологическим воздействием: государственный флаг, герб и гимн символизируют суверенитет России, полноту и независимость государственной власти, внушают гражданам уважение к государственной власти [18, с. 200]. Государственные флаг и герб, овеянные славой многих поколений россиян и являющиеся исторической

¹⁶ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1928.

¹⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

символикой Российского государства¹⁸, олицетворяют эту связь с общими предками.

Наконец, ряд авторов утверждает, что в Конституции РФ закреплены принципы либеральной идеологии в качестве государственной [19, с. 7], сформирован либеральный по содержанию современный российский конституционализм [20, с. 8, 25]. Некоторые ученые в качестве идеологии рассматривают отечественный федерализм [21].

Необходимо устранить выходящий за рамки пределов правового регулирования конституционный запрет провозглашения какой-либо идеологии в качестве государственной (ч. 2 ст. 13). Отметим, что ряд зарубежных конституций прямо закрепляют нормы о государственной идеологии и, более того, отмечают прямую зависимость между идеологической функцией государства и состоянием национальной безопасности страны. Так, в ст. 9а Конституции Австрийской Республики от 10 ноября 1920 г. провозглашается: «1. Австрия признает свою ответственность за всестороннюю оборону страны. Оборона направлена на обеспечение внешней независимости, а также неприкосновенности и целостности территории Федерации, в частности, — на поддержание и защиту постоянного нейтралитета... 2. Всесторонняя оборона страны включает в себя военную, идеологическую, гражданскую и хозяйственную оборону страны»¹⁹.

6. Конституционно-правовое обеспечение реального волеизъявления многонационального народа Российской Федерации

Гарантии избирательных прав граждан и их права на участие в референдуме не должны служить обеспечению возможности граждан посетить вос-

кресным утром раз в несколько лет участковую избирательную комиссию и осуществить свое волеизъявление. Понятие «реальное волеизъявление» встречается в решениях Конституционного Суда РФ. В них говорится о реальном волеизъявлении избирателей²⁰, депутатов²¹, представительного органа в целом²². Под реальным волеизъявлением многонационального народа Российской Федерации в настоящей работе понимается выявление действительных результатов федеральных выборов и референдумов. Для достижения достоверного волеизъявления должна эффективно действовать система конституционно-правовых гарантий, не только предупреждающих искажения волеизъявления народа в ходе голосования и при подведении итогов, но и способствующих проведению выборов и референдумов на территории России на истинно демократических началах. Неэффективность этих гарантий или их отсутствие влечет кризис легитимности государственной власти. Тем самым конституционный статус народа как носителя и единственного источника всей публичной политической власти в России, конституирующего ее государственное единство, становится фикцией, развивается конституционный нигилизм.

Не случайно современные конституционалисты разрабатывают оригинальную концепцию такой конституционно-правовой ценности, как доверие народа к выборам [22]. В преамбуле Конституции Японии 1947 г. торжественно провозглашено: «Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ. Это принцип, общий для всего человечества»²³. Доверие

¹⁸ Указ Президента РФ от 20 августа 1994 г. № 1714 «О Дне Государственного флага Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 17. Ст. 1956; Указ Президента РФ от 30 ноября 1993 г. № 2050 «О Государственном гербе Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 49. Ст. 4761.

¹⁹ Конституции государств Европы. Т. 1. С. 28.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления” и Закона Корякского автономного округа “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе” в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и

Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. Ст. 1374.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 868.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1833.

²³ Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. С. 381.

народа к государственной власти невозможно в ситуации его недоверия к институтам прямого народного власти.

Русской речи свойственно выражение «оправдать доверие», которое играет новыми красками в конституционном праве – доверие (легитимность) должно быть обеспечено конституционно-правовыми методами. Не оправдавшее доверие Государственной Думы Правительство РФ рискует отправиться в отставку после того, как федеральный парламент выразит ему свое недоверие (ч. 3 ст. 117 Конституции РФ). Утрата доверия Президента РФ является одним из оснований конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта РФ (пп. «г» п. 1 ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²⁴). Доверие многонационального народа Российской Федерации к государственной власти должно быть «оправдано» посредством действия конституционно-правовых гарантий, обеспечивающих проведение реальных, а не фиктивных, выборов всех уровней. О реальном волеизъявлении при проведении выборов, немыслимом в ситуации недоверия народа к этому институту, можно говорить, исходя из следующих факторов: 1) качество правового регулирования избирательных общественных отношений; 2) адекватность регистрационных барьеров; 3) открытость сведений о кандидатах; 4) доступность СМИ для всех кандидатов при проведении предвыборной агитации; 5) исключение нарушений в ходе

голосования и при подсчете и подведении итогов голосования [23, с. 428–432].

Вместе с тем стремление законодательно обеспечить существование подлинной политической конкуренции зачастую встречает усиленное сопротивление правоприменителей, призванных претворять нормотворческий потенциал в жизнь. Как отмечает А.Н. Костюков, «реальное, а не декларативное обеспечение политической конкуренции во имя создания цивилизованной партийной системы в стране требует реформирования с этих позиций каждого этапа функционирования партии. Причем на многих этапах необходимо изменение не законодательства, но характера правоприменения» [24, с. 10]. В литературе отмечается, что любая ошибка в документах, вплоть до неправильно указанной даты рождения активиста, может повлечь за собой отказ в регистрации партии [24, с. 9]. Судебная практика свидетельствует о том, что подписи избирателей в поддержку кандидатов на подписных листах признаются недействительными по абсолютно формальным признакам – к примеру, отсутствие наименования субъекта федерации в адресе места жительства гражданина²⁵.

7. Заключение

Проведенный анализ действующего конституционного законодательства позволяет сделать вывод о том, что единство правового пространства Российской Федерации и ее многонационального народа обеспечены недостаточно эффективно, что напрямую сказывается на состоянии ее государственного единства и территориальной целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шустров Д.Г. Иерархия конституционных ценностей / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 6–15.
2. Иванов С.В. Понятие и классификация конституционно-правовых гарантий единства и территориальной целостности Российской Федерации / С.В. Иванов // Национальная безопасность / nota bene. – 2017. – № 2. – С. 73–85. – DOI: 10.7256/2454-0658.2017.2.22239.
3. Колесников Е.В. Становление демократического правового государства в Российской Федерации и принцип верховенства закона / Е.В. Колесников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 90–94.
4. Аничкин Е.С. Факторы единства и многообразия конституционного законодательства Российской Федерации / Е.С. Аничкин // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 2. – С. 8–10.

²⁴ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от

31 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

²⁵ Определение Верховного Суда РФ от 11 февраля 2008 г. № 45-Г08-1 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Керимов А.Д. О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом / А.Д. Керимов, В.В. Красинский // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 49–56.
6. Курбанова З.М. Формирование органов публичной власти: вопросы, связанные со знанием государственных языков республик в составе Российской Федерации / З.М. Курбанова // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 34–37.
7. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» / Е.М. Доровских // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 8–20.
8. Туранин В.Ю. Три причины трудности понимания текста закона / В.Ю. Туранин // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 2–4.
9. Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 432 с.
10. Baron D. The Legendary English-Only Vote of 1795 / D. Baron. – URL: <http://www.english.illinois.edu/-people/-faculty/debaron/essays/legend.htm>.
11. Жуковина В.С. Конституционно-правовые основы использования языков в РФ / В.С. Жуковина, М.С. Бороздин // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2011. – № 29-1. – Т. 1. – С. 235–237.
12. Губаева Т.В. Государственный язык и его правовой статус / Т.В. Губаева, В.П. Малков // Государство и право. – 1999. – № 7. – С. 5–13.
13. Казанник А.И. Конституционно-правовые гарантии единства и территориальной целостности современных федеративных государств (сравнительный анализ) / А.И. Казанник // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 4 (45). – С. 35–46.
14. Шадже А.М. О праве республик в составе Российской Федерации устанавливать свои государственные языки / А.М. Шадже, А.В. Маргиев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2011. – Вып. 2. – С. 226–236.
15. Гончаров В.В. Роль государственной идеологии в централизации власти в России: исторический опыт и современное состояние / В.В. Гончаров // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 31–35.
16. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 1008 с.
17. Хорунжий С.Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды / С.Н. Хорунжий // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 10. – С. 3–6.
18. Постатейный комментарий к Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» / под ред. В.А. Дмитриева. – М.: ЭлКниги, 2012. – 208 с.
19. Баранов П.П. Конституционная легитимность государственной власти в России / П.П. Баранов, А.И. Овчинников // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 7. – С. 3–8.
20. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: моногр. / Н.А. Боброва. – М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 264 с.
21. Симонов В.А. Федерация и федерализм: семантико-терминологический аспект / В.А. Симонов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2004. – № 1. – С. 25–38.
22. Юсубов Э.С. Доверие к выборам как конституционно-правовая ценность / Э.С. Юсубов // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 2. – С. 45–49.
23. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы: учеб.-метод. комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 680 с.
24. Костюков А.Н. Приоритеты конституционно-правового развития современной России / А.Н. Костюков // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 1. – С. 3–13.

REFERENCES

1. Shustrov D.G. The hierarchy of constitutional values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2013, no. 6, pp. 6–15. (In Russ.).
2. Ivanov S.V. The concept and classification of constitutional legal guarantees of the unity and territorial integrity of the Russian Federation. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene = National Security / nota bene*, 2017, no. 2, pp. 73–85. DOI: 10.7256/2454-0658.2017.2.22239. (In Russ.).
3. Kolesnikov E.V. Establishment of the Democratic State in the Russian Federation and Principle of Supremacy of Law. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2013, no. 4 (93), pp. 90–94. (In Russ.).
4. Anichkin E.S. The factors of unity and diversity of constitutional legislation of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2005, no. 2, pp. 8–10. (In Russ.).
5. Kerimov A.D., Krasinskiy V.V. On Neutralization of Threats to Safety, Related to Penetration, to the Territory of the Russian Federation, of Members of International Terroristic Organizations and Involvement of Russian Citizens in Terroristic Activity Abroad. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 6, pp. 49–56. (In Russ.).
6. Kurbanova Z.M. Formation of public authorities: Issues connected to knowledge of official languages of member republics of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 7, pp. 34–37. (In Russ.).
7. Dorovskikh Ye.M. Differentiation of notions “state language” and “official language”. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 12, pp. 8–20. (In Russ.).
8. Turanin V.Y. Three reasons for difficulty in understanding the text of the law. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2010, no. 1, pp. 2–4. (In Russ.).
9. Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law: University course, textbook*, in 2 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2015. Vol. 1. 432 p. (In Russ.).
10. Baron D. *The Legendary English-Only Vote of 1795*. Available at: <http://www.english.illinois.edu/-people/-faculty/debaron/essays/legend.htm>.
11. Zhukovina V.S., Borozdin M.S. Constitutional-legal bases of languages usage in the Russian Federation. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2011, no. 29-1, vol. 1, pp. 235–237. (In Russ.).
12. Gubaeva T.V., Malkov V.P. State language and its legal status. *Gosudarstvo i pravo*, 1999, no. 7, pp. 5–13. (In Russ.).
13. Kazannik A. Constitutional and legal guarantees of unity and territorial integrity of modern federative states (comparative analysis). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2015, no. 4 (45), pp. 35–46. (In Russ.).
14. Chadje A.M., Margiev A.V. On the right of Republics as subjects of the Russian Federation to establish the state languages. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya” = Bulletin Adyghe State University. Series “Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies”*, 2011, iss. 2, pp. 226–236. (In Russ.).
15. Goncharov V.V. Role of state ideology in centralization of power in Russia: historical experience and contemporary situation. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2010, no. 4, pp. 31–35. (In Russ.).
16. Zor'kin V.D. (ed.). *A commentary on the Constitution of the Russian Federation*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011. 1008 p. (In Russ.).
17. Khorunzhij S.N. Constitutional ideology as an element of legal environment. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2014, no. 10, pp. 3–6. (In Russ.).
18. Dmitriev V.A. (ed.). *Commentary to the Federal constitutional law of December 31, 1996 No. 1-FKZ “On judicial system of the Russian Federation”*. Moscow, ElKnigi Publ., 2012. 208 p. (In Russ.).
19. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. Constitutional legitimacy of state power in Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2014, no. 7, pp. 3–8. (In Russ.).
20. Bobrova N.A. *Constitutional system and constitutionalism in Russia*, Monograph. Moscow, Zakon i pravo Publ., YuNITI-DANA Publ., 2003. 264 p. (In Russ.).

21. Simonov V.A. Federation and federalism: the semantic and terminological aspect. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2004, no. 1, pp. 25–38. (In Russ.).
22. Yusubov E.S. Credibility of elections as a constitutional and legal value. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 2, pp. 45–49. (In Russ.).
23. Avak'yan S.A. (ed.). *The right to elect and be elected in the Russian political realities: the basic constitutional-legal issues*, educational-methodical complex. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015. 680 p. (In Russ.).
24. Kostyukov A.N. Priorities of constitutional-law development of contemporary Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2010, no. 1, pp. 3–13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Святослав Вячеславович – преподаватель кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-код: 3849-1200; AuthorID: 915577

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svyatoslav V. Ivanov – lecturer, Chair of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-code: 3849-1200; AuthorID: 915577

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванов С.В. Обеспечение единства и территориальной целостности России: отдельные конституционно-правовые проблемы / С.В. Иванов // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 91–103. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivanov S.V. Maintenance of unity and territorial integrity of Russia: some constitutional legal problems. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 91–103. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103. (In Russ.).